

Интеллигенция и оппозиция — современное значение статьи С. Н. Булгакова «Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозных идеалах русской интеллигенции)»

Александров В. Б.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются взгляды русского философа С. Н. Булгакова на роль интеллигенции в революции 1905–1907 гг. Обращается внимание на понимание им мировоззренческой основы политической активности интеллигенции, в качестве которой он видит ее «самообожение». Показано, что естественной опорой интеллигенции в революции, по мнению С. Н. Булгакова, является молодежь, в силу эмоциональной незрелости и низкого уровня образования. Подчеркивается особое значение противопоставления «героизму» интеллигенции духа подвижничества, свойственного христианским святым и предполагающего напряженный повседневный труд, основанный на смирении как важнейшей мировоззренческой предпосылке подвижничества. Отмечается, что при вполне очевидном подобии в деятельности современной оппозиции революционному порыву интеллигенции начала двадцатого века, существуют и принципиальные различия. Они связаны с несовпадением целевых установок. Если русская интеллигенция начала века имела своей целью принципиальное изменение общественного строя, то современным креативным классом движет стремление разрушить существующую власть, обусловленное вполне практическими интересами личного успеха.

Ключевые слова: интеллигенция, героизм, подвижничество, смирение

Для цитирования: Александров В. Б. Интеллигенция и оппозиция — современное значение статьи С. Н. Булгакова «Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозных идеалах русской интеллигенции)» // Управленческое консультирование. 2021. № 4. С. 122–130.

Intelligentsia and Opposition — the Modern Meaning of S. N. Bulgakov’s Article “Heroism and Ascension (From Reflections on the Religious Ideals of the Russian Intelligentsia)”

Vladimir B. Aleksandrov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

The article examines the views of the Russian philosopher S. N. Bulgakov on the role of the intelligentsia in the revolution of 1905–1907. He draws attention to his understanding of the worldview of the political activity of the intelligentsia, as which he sees its “self-disposition.” It is shown that the natural support of the intelligentsia in the revolution, according to S. N. Bulgakov, is youth, due to emotional immaturity and a low level of education. The special importance of contrasting the “heroism” of the intelligentsia with the spirit of ascension, characteristic of Christian saints and involving intense everyday work, based on humility as the most important worldview prerequisite for ascension, is emphasized. It is noted that with the obvious similarity in the activities of modern opposition to the revolutionary impulse of the intelligentsia of the early twentieth century, there are also fundamental differences. They are related to mismatch of target settings. If the Russian intelligentsia of the beginning of the century aimed at a fundamental change in the social system, then

the modern creative class is driven by the desire to destroy the existing power, due to the quite practical interests of personal success.

Keywords: intelligentsia, heroism, selfless devotion, humility

For citing: Aleksandrov V. B. Intelligentsia and Opposition — the Modern Meaning of S. N. Bulgakov's Article "Heroism and Ascension (From Reflections on the Religious Ideals of the Russian Intelligentsia)" // Administrative consulting. 2021. N 4. P. 122–130.

В последние годы по пространствам ряда постсоветских стран прокатилась волна «цветных революций». На улицы городов вышли люди, по большей степени молодые, на светлых, не замутненных чрезмерной рефлексией, лицах которых читалась убежденность в своей правоте и в своем праве на требование изменений в укладе общественной жизни. Это требование, судя по ряду высказываний наиболее продвинутой части протестантов, базировалось на отчетливом понимании того, что называется прогрессивным общественным устройством и того, где это устройство уже осуществилось. При этом менее продвинутая публика выступала материальной силой, сносившей ненавистные общественные устои. Естественно, обратной стороной такого понимания была убежденность в том, что реальность, которую они наблюдают в своей стране, далека от стандартов прогрессивности, воплощенных в западных странах.

Уже неоднократно было сказано о том, что в процессах такого рода, протекавших на территориях разных государств, прослеживается некоторая общая логика и некоторые общие черты личностных черт их участников. Констатируя это, мы можем пойти дальше и задаться вполне естественным вопросом о том, являются ли подобные черты «открытием» сегодняшнего дня. Как показывает обращение к истории, к наблюдениям ответственных российских мыслителей, нечто подобное, с некоторыми, конечно, специфическими чертами, обусловленными конкретными социальными обстоятельствами, уже встречалось. Это позволяет утверждать о существовании некоторого типа личности, свойственного представителям «образованного класса», связавшим собственную самореализацию с участием в революционных или, говоря более широко, протестных движениях.

Понимание природы социальных движений связано с установлением того социального слоя, который является носителем идейного смысла этих движений, создателем и распространителем ценностей, которые «овладевают сознанием масс». Этот социальный слой в отечественной истории получал разные определения. Наиболее известное и получившее особый культурный смысл в России XIX в. — понятие интеллигенции как особой категории образованных, критически мыслящих людей, сознание которых наполнено чувством моральной ответственности за судьбу народа и страны. Иногда эта категория определялась просто как «образованный класс», при этом правда, утрачивался морально-этический аспект понятия русской интеллигенции. Постепенно понятие интеллигенции девальвируется. Символом этого процесса является, на наш взгляд, созданный Ильфом и Петровым печальный образ Васисуалия Лоханкина, озабоченного ролью русской интеллигенции, своим местом в ней, а также трагедией русского либерализма.

В наше время понятие интеллигенции утрачивает свое моральное измерение и, если и сохраняется, то только как социологическая категория, иногда как средство выразить ироническое отношение к людям, чья увлеченность высотами образования мешает их успешному укоренению в прагматике современной жизни. Иллюстрацией такого способа отношения к образованному классу стало получившее распространение в учащейся среде презрительное прозвище «ботан» — ведущее свое происхождение от имени науки, по мнению создателей этого конструкта, наиболее далеко отстоящей от решения конкретных жизненных проблем.

В связи с этой эволюцией представители современного класса, претендующего на «окормление» протестующей публики, по-видимому, стремясь избежать ненужных коннотаций, стали называть себя креативным классом. Название сколь претенциозное, столь и малопонятное, поскольку вектор креативных усилий оказывается легко поворачиваемым в зависимости от дуновения политических ветров и содержания жизненных запросов субъекта, провозглашающего задачи социальных преобразований.

Для конкретизации представления о культурной природе креативного класса наших дней целесообразно обратиться к той эпохе, в которой интеллигенция начала активно обнаруживать себя в политическом процессе. Это время первой русской революции и предшествующие ей десятилетия. Для понимания того, как класс, в то время еще в значительной степени бывший интеллигенцией, в большей или меньшей степени соответствующей указанному выше смыслу данного понятия, реализовывал себя в социальном процессе, обратимся к свидетельству одного из наиболее глубоких умов русской общественной мысли, большого философа С. Н. Булгакова. Свои взгляды по этому вопросу мыслитель изложил в статье «Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозных идеалах русской интеллигенции)», в которой глубоко и основательно исследованы черты ментальности и личностные типы людей, ставивших перед собой задачу разрушения сложившихся устоев общественной жизни. Внимательное чтение этой работы убеждает в том, что многие, так сказать, культурологические особенности, определяющие социальную активность «образованного класса» с которыми приходится иметь дело в наши дни, обнаруживались и в достаточно далеком прошлом. Хотя, конечно, в ходе преобразования интеллигенции в креативный класс многое изменилось. История повторяется, правда, вопреки известному афоризму классика, не только в виде фарса, но и в своем трагическом обличье.

В период, предшествующий первой русской революции интеллигенция активно заявила о себе как о классе, вовлеченном в общественно-политический процесс. Она была широко представлена в левых партиях — социал-демократической партии и партии эсеров. Наиболее продвинутый, «профессорский» слой, был представлен в либеральной центристской партии кадетов. В данной статье мы не будем заниматься анализом программных установок партий и рассмотрим некоторые общие черты социального поведения интеллигенции и лежащих в его основе мировоззренческих основаниях, так как они виделись С. Н. Булгакову.

Материал для таких размышлений русскому мыслителю дал опыт революции 1905–1907 гг., в которой русская интеллигенция, борясь против существующей власти, отчетливо продемонстрировала стремление к новаторству в политической практике. Идеи новаторства были как известно достаточно разнообразными — от революционного разрушения существующих общественных устоев до преобразования их в духе демократизации власти, преобразования ее на началах, которые она наблюдала в европейских странах.

Деятели оппозиционных движений, несмотря на различие в их конкретных представлениях о путях преобразования общества, были несомы некоторым общим смысловым ветром — готовностью к жертве (конечно, нюансы в понимании степени приносимой жертвы тоже были) во имя освобождения народа, идеала прогрессивного развития общества. По-видимому, этот тип сознания в той или иной степени был свойственен и левым, и умеренным последователям идеи конституционного преобразования монархии. Анализ итогов революции 1905–1907 гг. в России, участия в ней интеллигенции Булгаков осуществляет через призму понятия «героизм». Героическую установку демонстрировали и рядовые участники политических выступлений, и ведущие деятели, лидеры этих выступлений.

Однако понятие героизма, вызывающее обычно позитивные коннотации, как показывает Булгаков, обнаруживает такие «червоточины», которые заставляют увидеть в нем не значимый фактор общественного развития, а источник тех бед, с кото-

рыми столкнулось российское общество. В особой степени ограниченность такой установки, по мнению Булгакова, обнаруживается в сравнении ее с ментальностью религиозных подвижников.

Внимательное чтение труда русского мыслителя рождает убеждение в том, что многое из того, что было сказано более ста лет тому назад, имеет вполне конкретные приложения к современному оппозиционному движению в нашей стране. Более того, он обратил внимание на такие особенности этого феномена, которые не всегда заметны современному наблюдателю, но которые существенно расширяют представление о нем.

Определяя культурный образец, к которому был устремлен революционный порыв интеллигенции, Булгаков с самого начала отмечает, что таковым является западная культура. Русская интеллигенция «сознавала себя единственной носительницей света и европейской образованности в этой стране, где все, казалось ей, было непроглядной тьмой» [2, с. 314]. Хорошо известно, что западническая ориентация была одной из характерных черт образованного класса России. За несколько десятилетий до создания рассматриваемого нами труда С. Н. Булгакова иллюзорность такой позиции и интеллектуальную ограниченность ее представительей убедительно обрисовал Ф. Тютчев.

Напрасный труд — нет, их не вразумишь, —
 Чем либеральной, тем они пошлее,
 Цивилизация — для них фетиш,
 Но недоступна им ее идея.
 Как перед ней ни гнитесь, господа,
 Вам не снискать признанья от Европы:
 В ее глазах вы будете всегда
 Не слуги просвещения, а холопы.

1867 [3, с. 272].

Неприятие России европейской цивилизацией — это одна сторона дела. Другая же связана с тем, что сам «образец», на который ориентировалась русская интеллигенция тех лет, был, как говорится, с существенной гнильцой и вряд ли свидетельствовал о высоком духе тех, кто решил на него равняться. На это со всей остротой обращает внимание С. Н. Булгаков. За благоденствием и добропорядочностью жителя западных городов он видит мировоззренческую ущербность, своеобразную плоскостность мысли, делающее ее существование абсурдным и бесцельным. Смысловым истоком этой формы бытия он видит «человекобожие», следующее из ценностей западного гуманизма и просветительства. По его мнению, западная культура, проповедующая эти ценности, рождает чувство «культурного самодовольства разбогатевшего буржуа» [2, с. 314].

Правда это «человекобожие» в тот период, оговаривается Булгаков, не смогло еще полностью разрушить «трудовые устои европейской культуры, духовное единство европейских народов», хотя тенденция к такому разрушению уже отчетливо наметилась. Русская интеллигенция, однако, восприняла в западной культуре именно этот дух «человекобожия». Этот дух был особенно значим для нее, поскольку она осознавала свою борьбу как героическое сопротивление косности русской жизни. При этом, исходя из этой ценностной установки, свой героизм они понимали в духе «самообожения».

Эта ценностная ориентация интеллигенции более чем вековой давности отчетливо воспроизводится в установках нынешнего креативного класса. Правда, в со-

временных условиях такая ценностная ориентация кажется еще менее основательной, поскольку западная культура проделала определенную эволюцию в направлении утверждения ценностей «буржуазного самодовольства», погружения в пучину, гедонизма, погони за удовлетворением своих материальных потребностей, что естественным образом отпечатывается на понимании смысла собственной деятельности современного оппозиционера.

«Самообожение» русской интеллигенции было тесно связано с неприятием и непониманием особенностей русской культурной традиции. Они видели себя вне потока русской культуры, что приводило к безответственному отношению к отечественной истории, и даже к ее презрению. Приведем еще одни слова Тютчева.

«И дым отечества нам сладок и приятен!» —
Так поэтически век прошлый говорит.
А в наш — и сам талант все ищет в солнце пятен,
И смрадным дымом он отечество коптит.

1867 [3, с. 273].

Неприятие своей культуры и истории приводит к абсолютизации собственного «творческого» порыва, пониманию его цели как создания абсолютно нового общества. Отсюда следовала непомерная экзальтация, рождавшая болезненную веру в свои силы, направленные на преобразование русского мира. Как отмечает Булгаков, оторванность от почвы, отсутствие серьезных знаний исторического опыта взвинчивало этих людей. «Интеллигент, особенно временами, впадал в состояние героического экстаза, с явно истерическим оттенком» [2, с. 315].

С этой ценностно-смысловой основой был связан и определенный тип личности, для которого характерно «высокомерие и самомнение, сознание своей непогрешимости и пренебрежение к инакомыслящим» [2, с. 318].

Эта характеристика личностного типа интеллигента, нашедшего в революции сферу реализации своих личностных амбиций, продолжает высказанные за полсотни лет до него мысли еще одного большого русского мыслителя М.А. Бакунина, давшего выразительное описание личности революционеров-доктринеров. «Всегда самолюбивые и даже тщеславные, они в начале своей карьеры довольно искренни; принимая пыл юношеского воображения за жар сердца, громкую фразу за мысль и стремительность темперамента за доказательство энергии и воли, они сначала серьезно верят в себя. Потом жар остывает, но пустота мысли и привычка ходульности остаются, и они становятся под конец неисправимыми фиглярами и фразерами.

С этими людьми всякий разговор бесполезен. Им дела нет до дела, а только до себя. Говоря беспрестанно во имя народа, они никогда не заботились и ничего знать не хотят о народе. Народ для них только предлог, пешка, подстава, бессмысленная и мертвая масса, ожидающая жизни, мысли, счастья, свободы от них и единственно только от них» [1, с. 146]. Мы видим, что не только мировоззренческие основы личности, но и психотип представителя образованного класса, связавшего дело собственной самореализации с участием в революционном движении по сути дела, не меняется. И в середине XIX, и в начале XX, и в конце XX — начале XXI в. его характеризуют отчетливо повторяющиеся черты.

И действительно, читая слова этих выдающихся русских мыслителей, начинаешь забывать, что они были сказаны более ста-ста пятидесяти лет тому назад, настолько точно и глубоко они характеризуют тех, кто с неукротимым пылом призывает к уничтожению всего, что создается непростыми усилиями людей, решающими (возможно, и с ошибками) конкретные задачи улучшения жизни общества.

При этом высокомерие и самомнение этих людей стоит в качестве непреодолимой преграды повышения собственного образования в тех социальных и политических вопросах, которые она собирается решать. Категоричность и отсутствие способности к самокритике выражается в том, что, как тонко подметил Булгаков, словом, которое чаще всего приходится слышать от подобного «героя», является слово «принципиально», являющееся символом его жизненной установки. Но, как известно, крайности сходятся. Это выражается в незаметном перерождении героического начала, исходящего из убеждения в своем праве на переделку мира и являющегося весьма поверхностным и неподкрепленным готовностью к трудному движению к реальным преобразованиям, в беспринципность во всем, что касается личной жизни и личного поведения. Булгаков отмечает, что эти люди обычно эволюционируют от «героически революционного настроения к нигилистическому и порнографическому» [2, с. 323]. Булгаков точно подмечает, что среди такого рода публики весьма непопулярными являются «понятия *личной* нравственности, *личного* самоусовершенствования» [2, с. 323].

Естественно, эволюция в направлении осознания своей героической миссии в особенной степени свойственна молодежи, чей жизненный опыт, уровень знаний и понимания смысла социальных процессов весьма невысоки. «Превращение русского юноши или вчерашнего обывателя в тип героический... есть несложный, большую частью кратковременный процесс усвоения некоторых догматов религии человекобожия и quasi-научной “программы” какой-либо партии» [2, с. 316]. Более того, молодежь в оппозиционном движении начинает выполнять руководящую роль, формируется феномен так называемой духовной педократии. Она, по словам Булгакова, «есть величайшее зло нашего общества... это уродливое соотношение, при котором мнения “учащейся молодежи” оказываются руководящими для старейших, перевертывает вверх ногами естественный порядок вещей и в одинаковой степени пагубно и для тех, и для других» [2, с. 320].

Психологической основой такого положения дел является духовная природа оппозиционной публики, которая характеризуется мировоззренческой незрелостью. То есть по самой своей сути героический «образованный класс» ментально соответствует этой учащейся молодежи. Конечно, молодежь это будущее общества и забота о духовной зрелости нового поколения, поиск путей к вовлечению его в продуктивную деятельность на благо общества является важной социальной задачей. «Но находиться от него в духовной зависимости, заискивать перед ним, прислуживаться к его мнению, брать его за критерий — это свидетельствует о духовной слабости общества» [2, с. 321].

Эти слова Булгакова должны стать своеобразным наказом для тех, кто сегодня бессмысленно потрясает лозунгом «уступай место молодежи», разрушая тем самым нить исторической преемственности, сохранения исторического и культурного опыта, который только и может быть тем заслугом, который противостоит безудержной экспансии ценностей глобального мира.

В наше время характер оппозиционности существенно меняется. И те черты, которые были свойственны «героическому» периоду в истории интеллигенции, существенно трансформируются в направлении той самой буржуазности, которой в начале века в Европе, по мнению Булгакова, еще противостоял дух социальной ответственности и дисциплинированного трудолюбия. Этому способствует в целом достаточно высокий уровень потребления, повышение внутренней связности в современном мире, появление новых каналов самопрезентации и критики власти. Духовный героизм уступает место расчету. Потерпев неудачи в достижении «достойного» социального статуса на путях исполнения «лакейских» (вспомним знаменитую характеристику, данную этого рода публике В.И. Лениным) функций, представители креативного класса начинают искать способы удовлетворения сво-

их амбиций в политической деятельности. Активность этих людей тем более значительна, чем большим им видится тот объем материальных и статусных предпочтений, которые они недополучили от существующей власти. Свою критику власти «креативщики» могут облагораживать риторикой на тему нереализованности национального интереса, злоупотреблений представителей властных структур, забвения простого человека, с его жизненными проблемами.

Оппозиционность, по крайней мере, для верхнего слоя, является товаром, который можно успешно продать как внутри страны, так и за ее рубежами. Оппозиционер — ожидаемый гость в европейских странах. Внутри страны, если критика власти совсем уж не перехлестнула границы законодательства, оппозиция может получить место в средствах массовой информации, участие в ток-шоу или даже свою программу на радио или телевидении. За протестами отчетливо просматривается цель променять свою оппозиционность и критику на приобщение к власти, тем возможностям, которые она дает включенным в ее структуру персонажам.

Это изменение в содержании оппозиционности связано с принципиальным изменением ценностной основы протестов. Если в начале прошлого века речь шла о принципиальном изменении общественного устройства, то сегодня критика оппозиции имеет своей целью саму власть и эта критика в целом не означает требования принципиального изменения общественного строя. Критика направлена, прежде всего, не на общественные устои, а на конкретных представителей власти, осуществляемую ими политику. Соответственно такой направленности критики подбираются и средства — поиск компрометирующих фактов, управленческих просчетов и т. п., которые в особой степени возбуждают молодежь, жаждущую справедливости. Протестная деятельность в значительной степени перемещается с улицы в виртуальную сферу, обитателями которой являются в первую очередь молодые люди, хотя, конечно, финальный аккорд, по логике вещей, должен прозвучать на улице.

Активность оппозиции вдохновляется уже не утопически абстрактной целью построения совершенного общества, а темой свержения власти, предполагающего конкретную работу с конкретными интересами конкретных социальных групп, с этническими, демографическими, профессиональными общностями. Конкретной задачей становится оформление нерешенных жизненных проблем своей аудитории в политические претензии к власти.

Отметим, что в современном обществе созданы информационные предпосылки для формирования обостренного отношения широких слоев, и особенно молодежи, к собственной нереализованности и материальному неблагополучию. Средства массовой информации предлагают в качестве стандартов, образ жизни чаще всего весьма низкопробной публики, добившейся в силу не обремененности ненужными комплексами и моральными тормозами материального благополучия. Этот разрыв между собственным невысоким уровнем благополучия (далеко не всегда опускающимся за рамки среднего уровня потребления) и предлагаемыми образцами достойной жизни рождает бешеную энергию, направленную на срочное изменение своей судьбы.

Революционно-героический пафос представляет собой деятельностную установку, противостоящую готовности ответственно и дисциплинированно осуществлять работу по преодолению тех недостатков, которые, конечно же, существуют, но которые требует повседневных, дисциплинированных трудовых усилий.

Но что может быть противопоставлено разрушительности оппозиционного максимализма, какие пласты культуры заключают в себе потенциал такого противостояния. Булгаков отвечает на этот вопрос так: духовным антиподом для этого феномена должно стать христианство и соответственно тип жизни — христианско-го подвижника. На наш взгляд, это очень важное противопоставление. Можно быть

нерелигиозным человеком, но сама тема *подвижничества*, соответствующего ему образа жизни и деятельности должна быть осознана как особая мировоззренческая установка, вокруг которой должно строиться воспитание вступающего в жизнь поколения.

Героизм вообще не предполагает рефлексии, которая может парализовать готовность к героическому деянию, его жертвенность импульсивна. Качество героизма определяется содержанием той ценностной парадигмы, которая укрепилась не только в сознании, но и подсознании человека. Эта парадигма явно или неявно интерпретируется в тех проблемах, с которыми человек сталкивается в своей частной или профессиональной жизни, является исторически изменчивой.

Главное отличие христианского подвижника от героя, узурпировавшего роль Провидения, заключается в том, что его жизненной установкой является смирение. Оно не означает пассивности и недеяния, его главный смысл в том, что «внимание здесь сосредотачивается на сознании личного долга и его исполнения, на самоконтроле», оно означает «перенесение центра внимания на себя и свои обязанности, освобождение от фальшивого самочувствия непризнанного спасителя мира» [2, с. 325]. Это чувство, по Булгакову, сродни тому, которое испытывает настоящий ученый, который «по мере углубления и расширения своих знаний, лишь острее чувствует бездну своего незнания, так что успехи знания сопровождаются для него увеличивающимся... ростом своего смирения» [2, с. 325]. Точно так же «без... чувства вечной неудовлетворенности своими творениями, которое можно назвать смирением перед красотой, нет истинного художника» [2, с. 326]. В добавление к этим словам Булгакова, заметим, что в нашей державе существует огромное количество подвижников, обычно не сознающих эту свою культурную значимость, которые своим повседневным профессиональным трудом, наполняющим смысл их жизнь, создают материальные, организационные и духовные основы благополучия страны. Именно они, а не пена оппозиционной шумихи, составляют соль российской земли.

Подвижничество противостоит свойственному интеллигентскому сознанию причудливому сочетанию максимализма и минимализма, «при котором максимальные притязания могут выставляться при минимальной подготовке личности, как в области науки, так и жизненного опыта и самодисциплины» [2, с. 327]. Эта порочная «диалектика» приводит к тому, что «оборотной стороной интеллигентского максимализма является историческая нетерпеливость, недостаток исторической трезвости, стремление вызвать социальное чудо» [2, с. 330].

Подводя итог, думается можно сказать, что существует некоторая интегральная особенность смыслов политических выступлений интеллигентских слоев начала XX в., отличающая ее от мотивации участников оппозиционных выступлений либерального крыла современной оппозиции. Не идеализируя либералов столетней давности, следует все-таки отметить, что в большинстве своем это были люди, думавшие о своей стране, хотя, конечно, и с «пониманием» своей значимости в ее судьбе, тогда как современная оппозиция в большей степени озабочена личным продвижением, преодолением неудовлетворяющего ее статуса, чувства собственной нереализованности. В каком-то смысле это проявление того внутреннего состояния, которое Ницше определил как «*ressentiment*» в его интеллигентском проявлении. Вообще более точно было бы сказать, что психологическое основание поведения этого рода публики представляет собой сложный «замес» этого состояния и чувства самодовольства и превосходства над серой массой, призванной выполнить функцию материала, посредством которого удовлетворяются ее большие амбиции.

Завершить это небольшое рассмотрение темы оппозиционности интеллигенции хотелось бы еще одним наблюдением Тютчева, которым он завершает свое сти-

хотворение «В деревне». Это наблюдение резюмирует образ пса, разгоняющего ленивую стайку гусей и уток.

«Да тут есть цель! В ленивом стаде
Замечен страшный был застой
И нужен стал, прогресса ради,
Внезапный натиск роковой.
И вот благое провиденье
С цепи спустило сорванца
Чтоб крыл своих предназначенье
Не позабыть им до конца.
Так современных проявлений
Смысл иногда и бестолков,
Но тот же современный гений
Всегда их выяснить готов.
Иной, ты скажешь, просто лает,
А он свершает высший долг —
Он, осмысляя, развивает
Утиный и гусиный толк.

1869 [3, с. 282].

Действительно, весьма важно избежать того, чтобы разного рода «сорванцы» (которые, в отличие от пса, хорошо сознают свой интерес) не использовали для себя и не усугубляли «утиный и гусиный толк» тех, кто всерьез воспринял их призывы, подаваемые как свершение высшего долга.

Литература

1. Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М. : Правда, 1989.
2. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозных идеалах русской интеллигенции) // С. Н. Булгаков. Сочинения в двух томах. Т. 2. М. : Наука, 1993.
3. Тютчев Ф. И. Лирика. М. : АСТ : Астрель, 2010.

Об авторе:

Александров Владимир Борисович, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; vladboralex@mail.ru

References

1. Bakunin M. A. Philosophy. Sociology. Politics. M. : Pravda, 1989. (In Rus)
2. Bulgakov S. N. Heroism and Ascension (from reflections on the religious ideals of the Russian intelligentsia) // S. N. Bulgakov. Works in two volumes. Vol. 2. M. : Science, 1993. (In Rus)
3. Tyutchev F. I. Lyrica. M. : AST : Astrel, 2010. (In Rus)

About the author:

Vladimir B. Aleksandrov, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; vladboralex@mail.ru